

Оригинальная статья

<https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-71-79>

ЭВОЛЮЦИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИФРОВОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Костенко Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Костенко Р.В. Эволюция непосредственности исследования доказательств в цифровом уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;17(2):71–79. <https://doi.org/10.31429/20785836-17-2-71-79>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 440-53-25

E-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 22.04.2025

Статья принята к печати: 21.05.2025

Дата публикации: 27.06.2025

Аннотация: В условиях стремительной и неизбежной цифровизации уголовного судопроизводства возникают противоречия между традиционным пониманием и реализацией непосредственности исследования доказательств, закрепленной в ст. 240 УПК РФ, и новыми технологическими форматами судебного разбирательства. Конструкция данного общего условия судебного разбирательства, сформировавшаяся в «доцифровую» эпоху сталкивается с вызовами при проведении судебных заседаний путем видео-конференц-связи, дистанционном допросе участников, исследовании цифровых данных и других проявлениях цифровизации уголовного правосудия.

В науке уголовного процесса непосредственность исследования доказательств традиционно рассматривалась как обязательное условие формирования внутреннего убеждения судьи, основанного на личном восприятии и оценке доказательственно значимых сведений и их источников. Однако применение этого классического подхода к цифровым форматам уголовного судопроизводства выявляет значительные теоретические, законодательные и практические проблемы, требующие научного переосмысления.

Цель настоящей работы состоит в раскрытии направлений эволюции непосредственности исследования доказательств в условиях цифрового уголовного судопроизводства и формировании научно обоснованных предложений по модернизации отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: анализ традиционной концепции непосредственности исследования доказательств; выявление противоречий между требованиями ст. 240 УПК РФ и реалиями цифрового уголовного судопроизводства; изучение зарубежного опыта в вопросе непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации уголовного правосудия; разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства РФ.

Методы исследования: системно-структурный анализ, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод правового моделирования.

Результаты: 1) обоснована необходимость переосмысления традиционного понимания и реализации непосредственности исследования доказательств в судебном разбирательстве применительно к цифровому уголовному процессу; 2) выявлены ключевые проблемы и противоречия

между требованиями ст. 240 УПК РФ и отдельными современными форматами цифрового судебного разбирательства; 3) сформулированы концептуальные направления модернизации такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств; 4) разработаны предложения по совершенствованию национального уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, непосредственность исследования доказательств, судебное разбирательство, цифровизация, видео-конференц-связь, общие условия судебного разбирательства, статья 240 УПК РФ.

Введение

Современный научно-технический прорыв в области цифровых технологий существенно ускорил их внедрение в судебную деятельность при производстве по уголовным делам, трансформируя многие традиционные уголовно-процессуальные практики. Дистанционное участие в судебных заседаниях, электронный документооборот, распространение использования видео-конференц-связи для допросов участников судебных заседаний, исследование цифровых данных – все эти явления из экспериментальных новаций превращаются в повседневную реальность уголовного правосудия.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос о совместимости новых технологических форматов уголовного судопроизводства с фундаментальными уголовно-процессуальными константами, формировавшимися в принципиально иных условиях. Среди таких особое место занимает непосредственность исследования доказательств – общее условие судебного разбирательства, закрепленное в ст. 240 УПК РФ. Согласно этому общему условию, суд обязан непосредственно исследовать все доказательства по уголовному делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы следственных действий и иные документы.

Традиционная доктрина уголовного процесса рассматривает непосредственность исследования доказательств как неотъемлемую гарантию формирования внутреннего убеждения судьи. Предполагается, что только личное восприятие показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств, протоколов, документов позволяет суду правильно оценить их достоверность, относимость, допустимость и достаточность для принятия обоснованного и справедливого решения по уголовному делу. При этом, непосредственность создает необходимый базис для реализации устности, состязательности и гласности судебного разбирательства, обеспечивая тем самым комплексную систему процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Однако «наступление» эры цифровой формы уголовного судопроизводства ставит под «сомнение» традиционное понимание и реализацию непосредственности исследования доказательств в суде. Возникают такие фундаментальные вопросы: несмотря на законодательное закрепление в ч. 4 ст. 240 УПК РФ возможности проведения допроса и иных судебных действий путем использования систем видео-конференц-связи, насколько такой формат обеспечивает полноценную реализацию непосредственности исследования доказательств, например, показаний? Обеспечивает ли исследование цифровых копий документов тот же уровень достоверности, что и изучение оригиналов? Позволяет ли дистанционное участие подсудимого в судебном заседании в полной мере реализовать его право на защиту? В каких случаях технологические «посредники» (экраны, камеры, микрофоны) не нарушают сущность непосредственного исследования доказательств, а в каких – создают непреодолимый барьер между судом и доказательствами?

Эти и другие вопросы имеют не только теоретическое, но и острое практическое значение, что подтверждается, к примеру, Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П¹, признавшим ст. 240 УПК РФ частично не соответствующей Конституции РФ.

Полагаем, система правового регулирования судебного разбирательства уголовных дел должна адаптироваться к новым технологическим реалиям, но при этом сохранять процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства. Некритичное принятие цифровых форматов без учета доктринальных основ непосредственности исследования доказательств может создать риски для ограничения или ущемления прав участников судебного разбирательства.

В отечественной научной литературе наблюдается определенный дефицит комплексных исследований по вопросу эволюции непосредственности исследования доказательств в условиях

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

цифровизации. Существующие работы либо концентрируются на отдельных аспектах, проблемах (например, использовании видео-конференц-связи), либо рассматривают общие вопросы цифровизации правосудия без углубленного анализа трансформации конкретных уголовно-процессуальных институтов. Между тем, непосредственность исследования доказательств представляет собой сложносоставную юридическую конструкцию, каждый элемент которой по-разному взаимодействует с новыми технологическими форматами.

Настоящее исследование направлено на комплексное осмысление эволюции непосредственности исследования доказательств при переходе в цифровую эпоху уголовного правосудия. Особое внимание уделяется выявлению тех аспектов непосредственности, которые сохраняют свое фундаментальное значение независимо от технологического контекста, и тех, которые требуют переосмысления и модернизации. На этой основе формулируются конкретные предложения по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства с учетом цифровых возможностей при сохранении сущностных гарантий проведения качественного и справедливого судебного разбирательства уголовного дела.

Методы исследования

Методология настоящего исследования обусловлена его целью и задачами, а также комплексным характером изучаемой проблемы, находящейся на пересечении традиционных уголовно-процессуальных институтов и современных цифровых технологий. Для всестороннего анализа трансформации непосредственности исследования доказательств в условиях перехода к цифровому уголовному судопроизводству применялась совокупность взаимодополняющих научных методов, обеспечивающих достоверность и обоснованность полученных результатов. Системно-структурный анализ позволил рассмотреть непосредственность исследования доказательств как сложноорганизованную систему процессуальных требований и гарантий, выявить ее внутренние элементы и взаимосвязи между ними. Сравнительно-правовой метод применялся в двух ключевых направлениях. Во-первых, он позволил сопоставить традиционное и цифровое воплощение непосредственности исследования доказательств, выявив как преимущества, так и риски новых технологических форматов. Во-вторых, данный метод был использован для изучения зарубежной доктрины и зарубежного опыта адаптации требования непосредственного исследования доказательств к условиям цифровизации. Формально-юридический метод обеспечил детальный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства РФ, в первую очередь ст. 240 УПК РФ и связанных с ней положений. Метод правового моделирования использовался для разработки перспективных направлений совершенствования национального уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования

1. Теоретико-правовой анализ непосредственности исследования доказательств в условиях перехода к цифровизации уголовного судопроизводства. Непосредственность исследования доказательств как общее условие судебного разбирательства в традиционной доктрине уголовного процесса имеет многоаспектную природу. Анализ научных работ, посвященных данной проблематике, позволяет выделить несколько ключевых элементов непосредственности, каждый из которых по-разному взаимодействует с цифровыми форматами уголовного судопроизводства. Первый элемент – личное восприятие судом и сторонами первоисточников доказательственной информации. Классическая концепция непосредственности предполагает, что судья и стороны должны (в «идеальных» условиях) воспринимать доказательства «из первых рук», без промежуточных звеньев. Данное требование направлено на минимизацию искажений при передаче информации. В условиях цифровизации возникает вопрос: является ли технологический «посредник» (экран, камера, микрофон) таким промежуточным звеном, нарушающим непосредственность восприятия? Проведенный анализ позволяет утверждать, что ключевым фактором здесь выступает не физическое присутствие самого доказательства и его источника в зале суда, а возможность полноценного сенсорного восприятия доказательственной информации судом и сторонами. В частности, системы видео-конференц-связи при надлежащем техническом качестве обеспечивают визуальное и аудиальное восприятие, сопоставимое с физическим присутствием, что позволяет сохранить сущностное ядро данного элемента непосредственности. Второй элемент – связь с устностью исследования доказательств, предполагающая, в том числе, живое общение между судом и участниками процесса. В традиционном понимании устность судебного разбирательства связана также с физическим сопresутствием в едином пространстве-времени. В цифровом формате возникают определенные ограничения: затруднена невербальная коммуникация, могут возникать задержки в трансляции, проблемы с синхронизацией. Однако эти ограничения носят преимущественно технический, а не уголовно-процессуальный

характер. Так, например, современные технологии видео-конференц-связи в значительной степени преодолевают указанные ограничения, обеспечивая возможность полноценного диалога между судом и сторонами. Третий элемент – взаимосвязь непосредственности с правом на защиту и состязательностью. В классическом понимании непосредственность исследования доказательств создает условия для эффективной реализации стороной защиты своих прав, в том числе, возможность задавать вопросы, представлять доказательства, комментировать позицию стороны обвинения. В цифровом формате возникают определенные риски: технические сбои могут привести к неполному восприятию информации, затруднить коммуникацию между подсудимым и защитником, создать неравные условия относительно сторон. Четвертый элемент – непрерывность восприятия доказательств. Классическая модель непосредственности предполагает, что судья, непрерывно участвующий в процессе, формирует целостное впечатление о доказательствах и их взаимосвязи с совершенным преступлением. В цифровом формате возникают риски фрагментации восприятия из-за технических сбоев, многоэкранного режима, переключения между участниками. Здесь требуются специальные технические и организационные меры для обеспечения целостности восприятия. Таким образом, теоретико-правовой анализ показывает, что цифровизация не обязательно противоречит сущности непосредственности исследования доказательств, но требует переосмысления отдельных ее элементов и создания дополнительных уголовно-процессуальных гарантий в новом технологическом контексте.

2. Практические проблемы реализации непосредственности исследования доказательств в условиях цифрового судопроизводства. Изучение судебной практики позволило выявить ряд практических проблем, возникающих при реализации требований ст. 240 УПК РФ в условиях цифрового судопроизводства:

- проблемы технического характера, влияющие на качество непосредственного восприятия доказательств. К ним относятся: низкое качество изображения и звука, задержки в трансмиссии данных, сбои в подключении, недостаточная освещенность помещений, в которых находятся удаленные участники судопроизводства. Такие технические несовершенства могут существенно искажать восприятие невербальных реакций допрашиваемых лиц, интонаций, мимики, что затрудняет оценку, например, достоверности показаний;

- проблемы процессуальной фиксации хода и результатов дистанционного исследования доказательств. Существующие формы (письменная и аудиальная) протоколов судебных заседаний не в полной мере учитывают специфику цифровых форматов, часто не отражают технические условия проведения видео-конференц-связи, что затрудняет последующую проверку соблюдения уголовно-процессуальных гарантий участников судебных производств;

- проблемы обеспечения конфиденциальности общения подсудимого с защитником при дистанционном участии в судебном заседании. В условиях физического присутствия в зале суда такое общение может происходить непосредственно, без использования технических средств. При дистанционном участии требуются специальные технические решения для обеспечения конфиденциальности, которые не всегда доступны или эффективны;

- проблемы идентификации лиц, участвующих в судебных заседаниях по видео-конференц-связи, и аутентификации представляемых ими цифровых сведений, цифровых носителей. В условиях физического присутствия такая идентификация производится с использованием традиционных документов, удостоверяющих личность. В цифровой среде требуются новые механизмы идентификации и аутентификации;

- проблемы обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон. При частичной цифровизации (когда часть участников находится в зале суда, а часть участвует дистанционно) может возникать процессуальный дисбаланс. Например, участник, физически присутствующий в зале суда, может иметь преимущества в представлении доказательств, в скорости реакции на аргументы оппонента, в возможностях использования невербальных средств коммуникации;

- проблемы исследования цифровых сведений и их источников. При представлении электронных документов, цифровых фотографий, аудио- и видеозаписей возникают вопросы об их подлинности, целостности, способах проверки и оценки. Традиционные подходы к исследованию вещественных доказательств и документов оказываются неприменимыми к цифровым объектам, что требует разработки специальных уголовно-процессуальных процедур.

3. Направления модернизации уголовно-процессуального законодательства РФ о непосредственности исследования доказательств. На основе проведенного теоретико-правового анализа и изучения практических проблем можно сформулировать следующие направления модернизации УПК РФ о непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации:

– дифференцированный подход к непосредственному исследованию различных видов доказательств. Представляется обоснованным внедрение в ст. 240 УПК РФ положений, учитывающих специфику различных видов доказательств при их исследовании в цифровом формате. Так, для показаний необходимо установить особые требования к техническому качеству видео-конференц-связи, обеспечивающему полноценное восприятие вербальной и невербальной информации. Для вещественных доказательств целесообразно предусмотреть возможность их 3D-моделирования и виртуального осмотра с использованием специальных технических средств. Для письменных доказательств важно разработать процедуры, обеспечивающие аутентификацию электронных копий;

– закрепление технических стандартов для систем видео-конференц-связи. Необходимо предусмотреть в законодательстве положения, устанавливающие минимальные технические требования к системам, используемым для проведения судебных заседаний в дистанционном формате. Такие требования должны касаться качества изображения и звука, надежности соединения, защиты информации, способов идентификации участников, возможностей демонстрации доказательств. Также целесообразно предусмотреть обязательное техническое освидетельствование используемых систем на соответствие установленным стандартам;

– модернизация уголовно-процессуальной документации. Необходимо внести изменения в ст. 259 УПК РФ, предусмотрев особенности протоколирования при дистанционном участии в судебном заседании. В протоколе должны отражаться: технические параметры используемой системы видео-конференц-связи, способы идентификации удаленных участников, факты технических сбоев и меры по их устранению, условия нахождения удаленных участников (включая освещение, акустику помещения, отсутствие постороннего воздействия, и т.п.);

– расширение процессуальных гарантий для подсудимого при дистанционном участии. Необходимо дополнить ст. 47 УПК РФ и ст. 53 УПК РФ положениями, обеспечивающими реализацию права на защиту в цифровом формате. В частности, следует предусмотреть обеспечение технической возможности конфиденциального общения подсудимого с защитником, право подсудимого на полный обзор зала судебного заседания, техническую возможность демонстрации доказательств;

– появление и развитие уголовно-процессуальных механизмов исследования цифровых данных и их носителей. Целесообразно дополнить УПК РФ новыми нормами, где будут определены: понятие и виды цифровых доказательств, порядок их представления и исследования, требования к специалистам, участвующим в их исследовании, способы проверки подлинности и целостности цифровой информации;

– обеспечение равенства процессуальных возможностей сторон. Необходимо закрепить в УПК РФ положения, гарантирующие равные возможности сторон при цифровом формате судебного заседания. В частности, следует предусмотреть одинаковые технические условия участия сторон (если одна из сторон участвует дистанционно, то другая сторона должна иметь аналогичные возможности), равный доступ к цифровым данным, одинаковые возможности демонстрации доказательственных материалов;

– необходимо конкретизировать в УПК РФ случаи, когда дистанционное участие недопустимо или требует дополнительных гарантий. В частности, следует предусмотреть, что по ходатайству подсудимого суд обязан обеспечить его физическое присутствие в зале суда при исследовании ключевых доказательств обвинения.

Предлагаемые направления модернизации нашего уголовно-процессуального законодательства позволят сохранить рамки непосредственности исследования доказательств как гарантии справедливого и качественного судебного разбирательства, адаптировав его к реалиям цифрового правосудия.

Научная дискуссия

В научном сообществе ряд авторов настаивают на неизменности фундаментальной сущности непосредственности исследования доказательств в суде [4, с. 119–122; 5, с. 112–117; 6, с. 25–30; 7, с. 182–188; 8, с. 35–43]. По их мнению, личное восприятие доказательств судом и сторонами составляет неотъемлемое ядро состязательного и справедливого судебного разбирательства. Подчеркивается, что непосредственность исследования доказательств представляет собой гносеологическую основу формирования внутреннего убеждения судьи (суда). Соответственно, сторонники данного подхода скептически относятся к возможности полноценной реализации ст. 240 УПК РФ в условиях перехода к цифровым инструментам рассмотрения уголовных дел.

Другие ученые придерживаются более гибкого подхода, допуская трансформацию отдельных компонентов, составляющих непосредственное исследование доказательств [2, с. 13–17; 3, с. 271–273]. Они отмечают, что в современном уголовном процессе необходимо функциональное, а не формальное

понимание непосредственности исследования доказательств. Поэтому ключевым является не физическое присутствие доказателя и источника доказательств перед судом и сторонами, а полнота и достоверность передачи доказательственной информации от источника к субъекту оценки.

Особую группу образуют исследования, авторы которых обращают внимание на сложносоставную природу непосредственности, различные элементы которой по-разному взаимодействуют с друг с другом [1, с. 110–112; 9, с. 90–97; 10, с. 68–78; 11, с. 142–147]. В данных работах отмечается, что непосредственность включает в себя пространственный, временной и процессуальный аспекты.

Изучение зарубежного опыта демонстрирует активный поиск баланса между традиционными институтами уголовного процесса и требованиями цифровой эпохи. В мировой уголовно-процессуальной науке и практике последних лет наблюдается трансформация понимания непосредственности исследования доказательств, которая развивается по-разному в различных правовых системах.

В странах континентальной (романо-германской) правовой семьи непосредственность исследования доказательств в суде является не только традиционной устоявшейся формой восприятия доказательственной информации в судебных заседаниях, но и имеет детальное законодательное закрепление. Так, например, в Германии §250 Уголовно-процессуального кодекса (StPO) требует личного допроса свидетеля в суде и исключает замену «живого» показания оглашением ранее данных письменных показаний [17].

Однако, пандемия COVID-19 стала катализатором законодательных изменений в большинстве европейских стран. В частности, в Польше Законом от 19 июня 2020 г. были внесены изменения в УПК, разрешающие проведение заседаний с использованием видео-конференц-связи с синхронной передачей изображения и звука [18].

В странах общего права проявлением непосредственности исследования доказательств выступает запрет на «*hearsay*» (показания с чужих слов) и конституционное право обвиняемого на очную ставку со свидетелями. К примеру, Верховный суд США последовательно отстаивал значение личного присутствия подсудимого в суде для оценки достоверности его показаний, что составляет сущность непосредственности в англосаксонской традиции. Вместе с тем, развитие цифровизации в условиях пандемии COVID-19 поставили под вопрос абсолютность этих требований. В Великобритании *Coronavirus Act 2020* временно расширил использование видео- и аудиосвязи в уголовных судах. Английские суды перешли к «полностью виртуальным» и «гибридным» заседаниям, при этом судебное руководство подчеркивало необходимость проведения слушаний «настолько близко к допандемийной норме, насколько возможно», с особым вниманием к качеству связи и возможности наблюдать за поведением свидетелей [12]. Как отмечают отдельные исследователи, в английском уголовном процессе манера и эмоции свидетеля имеют большое значение для оценки достоверности его показаний, поэтому технические сбои при дистанционном участии могут существенно влиять на реализацию непосредственности и искажать восприятие доказательств [12].

Зарубежное научное сообщество активно разрабатывает новые подходы к трансформации непосредственности исследования доказательств, адаптированные к цифровой эпохе.

Так, можно выделить исследование «*Remote Criminal Justice and Vulnerable Individuals*», в котором анализируется влияние дистанционного формата уголовного судопроизводства на эмоциональное восприятие и эмпатию участников процесса, отмечается возникновение эффекта «экранного дистанцирования», который может исказить оценку показаний [14].

Интересна предложенная концепция «права на современный суд», согласно которой государство обязано обеспечить, чтобы уголовное судопроизводство отвечало реалиям цифрового века, не жертвуя при этом базовыми уголовно-процессуальными гарантиями [15].

Другие обращают внимание на исследования в области судебной психологии, которые выявили особенности восприятия доказательств в цифровом формате. Было установлено, что судьи и присяжные склонны воспринимать показания свидетелей по видеосвязи как менее достоверные, а технические проблемы со связью значительно снижают оценку убедительности показаний [16].

Отдельные авторы анализируют проблему «цифровых доказательств» и отмечают, что традиционное понимание непосредственности не решает вопросы доверия к данным, созданным без участия человека [13].

В целом, зарубежный опыт демонстрирует, что успешная трансформация непосредственности исследования доказательств в цифровую эпоху возможна при соблюдении баланса между технологическими инновациями и базовыми (традиционными) уголовно-процессуальными институтами. При этом даже в условиях цифровизации личное присутствие участников судебных

разбирательств и непосредственное восприятие доказательств судом продолжают рассматриваться как оптимальная форма уголовного судопроизводства, от которой допускаются отступления только при наличии веских оснований и компенсирующих механизмов.

Действующие положения ст. 240 УПК РФ, закрепляющие непосредственность и устность судебного разбирательства, были приняты еще в условиях традиционного «доцифрового» уголовного судопроизводства и лишь впоследствии эта норма дополнялась положениями, учитывающими некоторые (видео-конференц-связь) технологические новации. Также УПК РФ дополнялся и другими нормами в контексте расширения и использования систем видео-конференц-связи (ст. 241.1 УПК РФ, ст. 278.1 УПК РФ).

Анализ отечественной судебной практики последних лет выявляет противоречивые тенденции в реализации требований непосредственности исследования доказательств в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. С одной стороны, суды все активнее используют, к примеру, видео-конференц-связь при проведении судебных заседаний. В частности, также как и зарубежных юрисдикциях, пандемия COVID-19 существенно ускорила процесс интеграции такой цифровой технологии, сделав видео-конференц-связь уже привычным инструментом в судебной деятельности. С другой стороны, технические и организационные условия использования видео-конференц-связи существенно различаются в разных судах, что создает неравенство в реализации уголовно-процессуальных прав участников судопроизводства. В некоторых случаях низкое качество связи приводит к неполному восприятию показаний, других доказательств, затрудняет коммуникацию между участниками судебных заседаний. В то же время, судебная практика демонстрирует и позитивные примеры адаптации такого общего условия судебного разбирательства, как непосредственность исследования доказательств, к цифровой реальности. В частности, некоторые суды используют современные технологические решения, обеспечивающие высокое качество передачи аудио- и видеoinформации, возможность детального исследования цифровых данных и их носителей, равные условия для сторон при дистанционном участии. Заслуживают внимания практики использования нескольких камер в зале суда для обеспечения полного обзора происходящего, технические решения для конфиденциального общения подсудимого с защитником, системы электронного документооборота, позволяющие оперативно предоставлять материалы всем участникам процесса.

На наш взгляд, непосредственность исследования доказательств как общее условие судебного разбирательства в уголовном процессе претерпевает сложную эволюцию под влиянием цифровизации. Эта эволюция имеет диалектический характер: цифровые технологии одновременно расширяют возможности восприятия доказательственной информации и создают новые барьеры между судом, сторонами и доказательствами. В этих условиях требуется не буквальное сохранение и «следование» традиционным формам непосредственности при исследовании доказательств, а выявление и защита ее сущностных элементов при адаптации к цифровым форматам.

Цифровые технологии неравномерно влияют на реализацию непосредственности исследования доказательств. Наименее проблематичной является использование цифровых инструментов при исследовании письменных доказательств, где электронные копии при надлежащей аутентификации могут обеспечивать уровень оценки достоверности, сопоставимый с оригиналами. Более сложные вопросы возникают при дистанционном допросе участников судебного заседания, где качество технических средств имеет решающее значение для полноценного восприятия вербальной и невербальной информации. Наиболее чувствительной областью является дистанционное участие подсудимого в судебном заседании, где возникают риски нарушения права на защиту, конфиденциальности общения с защитником.

В условиях возрастающей роли цифровых доказательственных данных особого внимания заслуживает разработка новых уголовно-процессуальных норм, посвященных особенностям их исследования в судебном разбирательстве. В этих нормах следует определить: понятие и виды цифровых доказательств; порядок их представления и исследования; требования к специалистам, участвующим в их исследовании; способы проверки подлинности и целостности цифровой информации; права участников процесса при исследовании цифровых доказательств. Также необходима разработка уголовно-процессуальных процедур аутентификации цифровых доказательств, обеспечения их целостности в процессе хранения и передачи, а также способов проверки отсутствия модификаций. Эти процедуры должны учитывать как технические особенности цифровой информации, так и традиционные требования доказательственного права к достоверности, относимости, допустимости и достаточности доказательств.

Цифровизация судопроизводства неизбежно потребует модернизации протоколирования судебных заседаний. В протоколе должны отражаться: технические параметры используемых систем видео-конференц-связи; способы идентификации удаленных участников; факты технических сбоев и принятые меры; условия нахождения удаленных участников. Целесообразно также предусмотреть возможность интеграции аудио- и видеозаписи заседания в электронный протокол, что повысит полноту и достоверность фиксации хода судебного разбирательства.

На уровне подзаконных актов необходимо разработать и утвердить технические стандарты для цифрового судопроизводства, включая: требования к качеству видео-конференц-связи; стандарты защиты информации; требования к оборудованию залов судебных заседаний и помещений для дистанционного участия; протоколы действий при технических сбоях. Эти стандарты должны периодически обновляться с учетом развития технологий и анализа судебной практики.

В заключение следует отметить, что эволюция непосредственности исследования доказательств в наступающую цифровую эпоху уголовного правосудия представляет собой объективный процесс, обусловленный развитием технологий. Задача уголовно-процессуальной науки и законодателя заключается не в противодействии этому процессу, а в его поддержке и регулировании таким образом, чтобы технологические инновации способствовали повышению эффективности уголовного правосудия при сохранении всех уголовно-процессуальных гарантий. Только такой подход позволит адаптировать традиционные институты уголовного процесса к требованиям цифровой эпохи без ущерба для прав и законных интересов участников судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Аниськова Ю.Д., Топильская К.Е. Исследование доказательств и реализация принципа состязательности в судебном производстве по УПК РФ. *Advances in Science and Technology: Сборник статей XXXIX международной научно-практической конференции*. М.: ООО «Актуальность.РФ»; 2021.
2. Беседин Г.Е. О соотношении производных доказательств и принципа непосредственности в уголовном процессе России. *Российский судья*. 2022;(8):13–17. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-8-13-17.
3. Бондаренко А.А. Обеспечение непосредственного исследования вещественных доказательств, имеющих значение в двух и более уголовных делах. *Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: XXVII международная научно-практическая конференция*: в 2-х частях. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России; 2024.
4. Бурносова Ю.Л. Значение правила непосредственности в справедливом уголовном судопроизводстве. *Тенденции развития науки и образования*. 2021;(78–3):119–122. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-115.
5. Бурносова Ю.Л. Методологическое значение правила непосредственности исследования доказательств в уголовном судопроизводстве. *Современное государство и правовая система: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов*. Смоленск: Саратовская государственная юридическая академия; 2021.
6. Бурносова Ю.Л. О необходимости уточнения понятия «непосредственность исследования доказательств». *Модели правосудия XXI века: теоретические и практические аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. М.: Российский государственный университет правосудия; 2023.
7. Бурносова Ю.Л. О совершенствовании редакции статьи 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. *Стратегия развития государства и права в России в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов*. Смоленск: ООО «Свиток»; 2023.
8. Веницкая Ю.Л. К вопросу о понятии непосредственности в уголовном процессе. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2016;16(1):35–43. DOI: 10.14529/law160106.
9. Казарина М.И. Проблемы непосредственного исследования доказательств судьей по уголовному делу. *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2019;(26(4)):90–97.
10. Михайлов А.А. Принцип непосредственности как метод исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел. *Уголовная юстиция*. 2018;(11):68–78. DOI: 10.17223/23088451/11/14.
11. Петрикин В.Ю. Нарушение права на защиту несоблюдением судом требования непосредственного исследования доказательств. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2024;(4):142–147. DOI: 10.23672/SAE.2024.4.4.025.
12. Fortson R. Adjusting to COVID-19 under the English Criminal Justice System. *Eucrim*. 2021;(2):116–122.
13. Gless S. AI in the Courtroom: A Comparative Analysis of Machine Evidence in Criminal Trials. *Georgetown Journal of International Law*. 2020;(51) [сайт]. Базельский университет, юридический факультет; 2025 [обновлено 20 июня 2020; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: https://ius.unibas.ch/fileadmin/user_upload/ius/09_Upload_Personenprofile/01_Professuren/Gless_Sabine/AI_in_the_courtroom_GT-GJIL2020.pdf

14. McKay C., Macintosh K. Remote Criminal Justice and Vulnerable Individuals: Blunting Emotion and Empathy? *Tilburg Law Review*. 2024;(29(2)) [сайт]. Tilburg Law Review; 2024 [обновлено 20 февраля 2024; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://tilburglawreview.com/articles/10.15574/tlaw.2023.003/>.
15. Osztoivits A. Right to a modern trial: a new principle on the horizon of the digital age. *Hungarian Journal of Legal Studies*. 2023;(64(3)):219–234.
16. Risko E.F., Ferguson A.M., McLean D. How do juries assess credibility in face-to-face and remote contexts? *Applied Cognitive Psychology*. 2022;(36(3)):563–575.
17. Sanders A. Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic. *International Journal for Court Administration*. 2021;(12(2)) [сайт]. International Journal for Court Administration; 2025 [обновлено 12 октября 2021; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://www.ijcajournal.org/articles/10.36745/ijca.379/>.
18. Tomczak K., Majchrzak M. Polish Criminal Procedure During COVID-19 Pandemic: New Remote Hearing Options. *Lexology*. 2020 [сайт]. Lexology; 2025 [обновлено 09 августа 2020; процитировано 14 апреля 2025]. Доступно: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=8e3e2ec9-5f0e-4223-b0c7-15bb9d57c635>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костенко Роман Валерьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»